АБХАЗСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КРАЕВЕДЕНИЯ

А. В. ФАДЕЕВ.

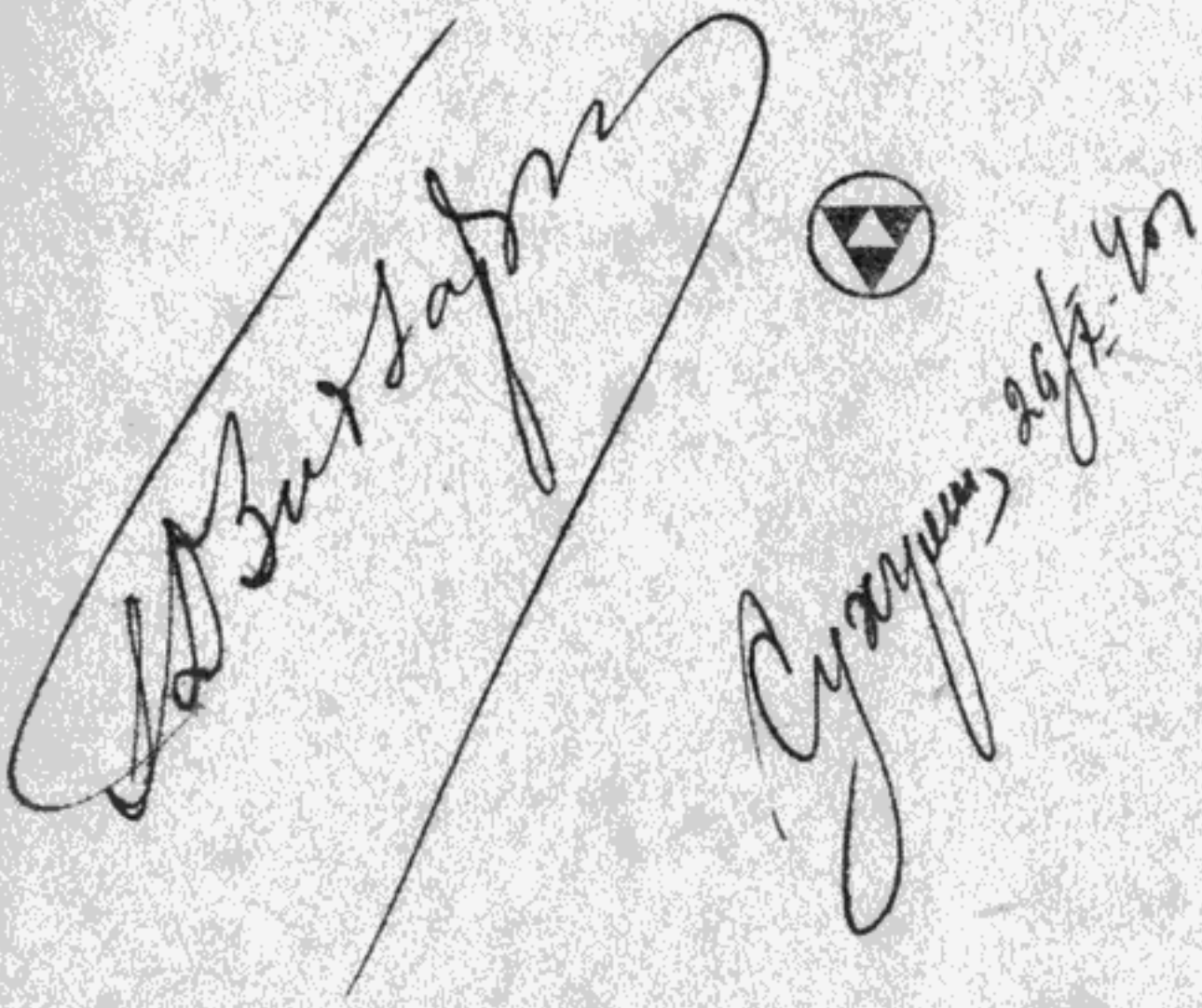
РУССКИЙ ЦАРИЗМ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В АБХАЗИИ.

Издательство „Советская Абхазии" и „Апсны Капш".—Сухум. 1932.

АБХАЗСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КРАЕВЕДЕНИЯ

А. В. ФАДЕЕВ

РУССКИЙ ЦАРИЗМ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В АБХАЗИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКАЯ АБХАЗИИ“ И „АПСНЫ КАПШ“

СУХУМ :: 1932

Тираж 2000 экз. Главлит № 10 — Б

Типография Издательства «Советская Абхазия и «Апсны Каш». Сухум

От автора

Настоящая работа является **продолжением** изданной АНИИК брошюры «К вопросу о феодализме в Абхазии».

Обе эти работы основаны на материалах, собранных научно-исследовательской экспедицией бывш. АбНО летом 1930 года, а также на последующей обработке и сопоставлении этих материалов с архивными данными.

Ставя себе цель выявления классовой сущности реформы 1870 г. в Абхазии, автор сознательно не излагает подробно пореформенную экономику Абхазии.

Раздел последней главы, озаглавленной «Развитие капитализма», конспективно излагает основные моменты развития капитализма в сельском хозяйстве Абхазии.

Подробное освещение этого вопроса в отношении проникновения в Абхазию российского финансового капитала в начале XX века выходит из рамок данной темы и является материалом последующих работ на тему «Революция 1905 года в Абхазии», и проч.

Эти темы разрабатываются сейчас ячейкой общества историков-марксистов при общественно-историческом секторе АНИИК.

Введение

История Абхазии XIX века есть история ожесточенной классовой и национальной борьбы.

Эта борьба была отражением диалектического развития производительных сил и процессов, сопровождающих это развитие.

Разложение феодализма и развитие новых капиталистических отношений в Абхазии, колониальное закабаление Абхазии русским капитализмом—все эти процессы, как в своеобразном историческом фокусе, легче всего увидеть в крестьянской реформе 1870 года.

Эта реформа и борьба вокруг нее со всеми вытекающими последствиями—как бы сгусток всей истории Абхазии XIX века.

Актуальность изучения этой темы не требует особых доказательств.

Почти все трудности, возникающие на пути социалистического строительства в Абхазии: низкий технико-экономический уровень народного хозяйства, слабое использование природных богатств, слабость землеустройства, низкий культурный уровень населения, бездорожье, наличие классово-враждебных элементов в деревне и т. д., и т. д.,—все это имеет свои корни из той общественно-экономической системы, которая создалась в Абхазии в результате реформы 1870 года.

Наконец, история революционного движения в Абхазии может быть понята и осмыслена только лишь при условии изучения пореформенной экономики. О России Ленин прямо говорил, что

«1861 год породил 1905 год»... (Соб. соч. XV, стр. 146).

Это целиком можно отнести и к Абхазии—стране еще более крестьянской, чем Россия. Реформа 1870 года и система эксплоатации, созданная ею, революционизировала массы абхазского крестьянства, породила мощное крестьянское движение в 1905 году и повернула

крестьянство на путь союза с рабочим классом, на путь пролетарской революции, победившей в Абхазии 4 марта 1921 года.

Целевая установка этой работы:

1) показать классовый характер крестьянской реформы 1870 г. в Абхазии;

2) выяснить исторические силы, которые привели к крушению абхазского феодализма;

3) показать социальную сущность превращения Абхазии в колонию русского капитализма.

I. Абхазия в системе «кавказской политики» русского царизма

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ «КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ»

В XVIII веке Россия представляла собой государство крепостников-помещиков. Самодержавная власть царя опиралась на помещиков-дворян, интересы которых определяли направление политики царского правительства.

В эпоху политического расцвета самодержавно-крепостнического государства при царице Екатерине II, русские помещики получили огромные земельные пространства на Украине.

Закрепощение украинских крестьян и колонизация пустующих земель на Северном берегу Черного моря (так называемая «Новороссия») была той основой, на которой могло быстро увеличиться производство хлеба в помещичьих хозяйствах. В то время, как на севере и в центральных районах России барщина уступила место оброку, на юге барские запашки сильно увеличивались.

При чем хлеб из южных районов производился уже не только для собственного натурального потребления, а главным образом, на продажу, при чем значительная часть этого хлеба экспортировалась за границу.

Рост хлебного экспорта определялся повышением спроса на хлеб на европейском рынке, вследствии промышленного переворота в Англии, по преимуществу.

Российские помещики требуют от самодержавия охраны их интересов, как экспортов хлеба. Они требуют закрепления за собой тех торговых путей, по которым идет торговля хлебом.

Этими путями было, прежде всего, Черное море и его побережье.

Но ключи у Черного моря были в чужих руках. Проливы—Босфор и Дарданеллы принадлежали Турции.

И вот борьба за овладение проливами, за монополию на Черном море становится к концу XVIII века узловым пунктом всей внешней политики самодержавно-крепостнической России.

Идеологически эта борьба освящается рассуждениями насчет «освобождения Царьграда» (Константинополя), практически выражается

в войнах с Турцией царских генералов Потемкина. Румянцева. Суворова.

Сначала царское правительство видело дорогу к завоеванию проливов, в захвате Западного берега Черного моря: Бессарабии, Молдавии, Валахии, Болгарии. Но здесь борьба принимала затяжной характер и приносила осложнения во внешних отношениях с другими соседями, особенно с Австрией. А кроме того, другие политические причины заставляют царскую Россию обратить внимание на Кавказ.

Этими другими причинами послужила связь с феодальной верхушкой кавказских народов.

Еще 24 июля 1783 года в городе Георгиевске русские чиновники подписали договор с грузинским царем Ираклием о том, что в области международной политики Грузия становится вассалом России.

Грузинские феодалы просили у царицы Екатерины II помощи в их борьбе с Персией и Турцией. Несколько раз царское правительство посылало эту помощь в виде небольшого отряда русских войск (ген. Тотлебен), но незначительность этой помощи показывала нерешительность царских политиков в отношении Грузии и Кавказа. Они боялись трудностей нового «кавказского» курса во внешней политике и по-прежнему главное внимание уделяли Балканскому полуострову.

Только на пороге XIX века, когда царь Павел I начинает попытки борьбы против Англии путем завоевания Ближнего Востока и даже Индии, царское правительство укрепляет свои прежние связи с грузинскими феодалами.

В 1801 году, пользуясь феодальной враждой в Грузии, царское правительство России захватывает Грузию, превращая ее в административную единицу «Российской империи».

Вслед за, собственно, Грузией (Карталинией и Кахетией) последовал неожиданно легкий захват ослабевших феодальных владений— Имеретии, Джарии, Гурии и др.

В 1803 году русские войска занимают Мингрелию, выходя таким образом, на восточное побережье Черного моря. Эти захваты были звеньями одной и той же цепи русской политики, имеющей целью овладение Черным морем и проливами.

Именно потому царское правительство сначала не считало нужным затрагивать области центрального Кавказа — Кабарду, Ингушетию, Осетию, Чечню и Дагестан.

Именно потому, оно не обращало сначала внимания на общественно-экономическое устройство Грузии, полностью передав его в руки военного управления.

Именно потому, оно стремилось укрепиться и продвинуться сначала, главным образом, в Западном Закавказье—поближе к морю.

Грузия, Закавказье, Кавказ в целом нужен был сначала самодержавно-крепостнической России только, как плацдарм для борьбы с Турцией за овладение проливами и Черным морем. Такую установку давали русские помещики-производители экспортного хлеба.

Правда, уже и тогда наиболее дальновидные политики и экономисты царской России, выражая мечтания и надежды слабого, только что зарождающегося промышленного капитала, высказывались о Закавказье, как о будущей сырьевой колонии для русской промышленности

Так, еще в 1827 году министр финансов царского правительства, убежденный протекционист и один из провозвестников российского капитализма, граф Канкрин писал царю «на высочайшее благоусмотрение»:

«Не без основания Закавказские провинции могут быть названы нашей колонией, которая должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов.

Необходимо умножение сельского народного богатства края: усиление земледелия и сельской промышленности, умножение шелководства, разведение хлопчатой бумаги, рису, масличных дерев и других предметов климату свойственных»...

(См. «Обозрение российских владений за Кавказом», I, 1836).

Канкрин выдвигал, таким образом, целью экономическую программу, но она еще была слишком несвоевременна для кавказской политики русского царизма, политики определяемой исключительно интересами помещиков, но не промышленных капиталистов.

И еще долго эта программа Канкрина лежала под сукном, еще долго Закавказье было только ареной первоначального капиталистического накопления и военных завоеваний.

По крайней мере еще в 1840 году генерал Раевский в своей докладной записке с сожалением вздыхал о том, что

«по несчастью занимаясь исключительно военными действиями, мы весьма мало обратили внимания на торговлю с горцами и не знаем еще какие отрасли она может представить». (Акты Кав. арх. ком., V).

Первоначальные цели захвата Грузии и Закавказья диктовались «дарданельской» политикой русского царизма. Кавказ не как самоцель, а как средство для захвата Черного моря и разгрома Турции — вот как рассматривали этот вопрос царские министры и генералы, до 30—40 годов, не думая всерьез о превращении Кавказа в сырьевую колонию. Ибо для этого не было предпосылок еще в самой России с ее крепостническим, помещичьим укладом народного хозяйства.

РУССКИЙ ЦАРИЗМ У ВОРОТ АБХАЗИИ.

К началу XIX века Абхазия переживала эпоху феодализма. Феодализм в Абхазии сложился путем разложения родового строя абхазских племен, происходившего на общем фоне феодализации бывшего абхазо-карталинского племенного государства.

Феодальное развитие Абхазии с XIII по XVIII век протекало очень медленно по причине слабого развития производительных сил, замедленного на протяжении столетий иноземным вмешательством и колонизаторскими захватами самого производительного района Абхазии—побережья. Характерной особенностью абхазского феодализма было, главным образом, наличие в феодальной системе элементов родового и племенного строя, оказавших определенное влияние на экономику и общественные отношения.

Являясь типичным феодальным государством, Абхазия на пороге XIX века представляла собой страну с сильно ослабленной центральной властью. Страна была раздроблена на ряд мелких владений тавадов (князей) и амыста (дворян) и полузависимых сельских общин и племенных единиц. Причиной этой раздробленности была слабость хозяйственных и меновых связей и натуральный характер производства. Каждое из феодальных владений, представляя собой замкнутый экономический мирок, в отношении политическом являлось своего рода «государством в государстве».

Политическая власть владетеля (наследственными владетелями Абхазии с XII века были князья Чачба—Шервашидзе) имели функции центрального государственного аппарата: по линии внешних сношений владетель («ах») регулировал внешний обмен, предоставляя льготы и право торговли иностранным купцам, а также решал вопросы войны и мира, используя военную силу зависимых от него феодалов-тавадов; по линии внутреннего управления—взыскивал сборы с обмена, мирил и судил вместе с сословными и родовыми представителями, при чем за всякие конфликты, происшедшие близ его резиденции, получал определенную пеню все административные функции он осуществлял через своих «дружинников», личных, служилых дворян-«ашнакма» и свою карательную, жандармско-гвардейского типа, организацию—«кераз».

Владетель («ах») жил в сел. Лыхны. Личным владением его была бзыбская Абхазия—часть современного Гудаутского района. Родственники владетеля (из фамилии Чачба) имели ряд владений по всей Абхазии (Келасури, Атара, Кутол, Очемчиры, Самурзакань), но они часто не отставали от прочих тавадов в отношении игнорирования и даже сопротивления владетелю. На пороге XIX века абжуйский (кодор

ские). Чачба—Алибей и Манучар даже пытались совершенно самоопределиться и стать независимыми от ах'а.

Всей же остальной территорией прибрежной Абхазии владели непосредственно тавады и аамыста. Все они, находясь в вассальной зависимости от владетеля, фактически были полными государями в пределах своего владения и признавали власть владетеля («ах») лишь постольку, поскольку он обладал большей силой. Области же Цабал и Дал, где властвовали тавады Маршания, а также скотоводческие племена с неразвившимися феодальными отношениями—Псху, Ахчипсху, Джигетские («садзкуа») общины—Цан, Геч, Арто, и т. д. подчинялись власти владетеля лишь номинально, выступая чаще всего, как его автономные союзники, чем подчиненные.

Феодалы находились между собой почти всегда в состоянии военной вражды, которая могла только временно замирать, чтобы в благоприятный момент вспыхнуть с новой силой. В XVIII веке развитие внешнего обмена, работорговли и рост товарных элементов в хозяйстве страны укрепили авторитет владения и зародили в нем тенденции к абсолютизму. Носителем этих тенденций еще в первой половине XVIII века выступил «ах» Манучар Чачба, но он был предупрежден турками, которые удалили его путем инсценированного восстания во главе с Леваном Чачба.

Но в 1771 году Леван Чачба вместе с братом Зурабом сумел организовать налет на Сухум и выгнал оттуда турецкие войска.

Правда, вскоре подкупленный турецким золотом Леван передал Сухумскую крепость обратно туркам, но последние постарались устранить его, об'явив владетелем Абхазии молодого Келиш-бея.

При поддержке турок Келеш-бей сильно укрепил центральную власть. Он явно покровительствовал купеческой торговле на побережье Абхазии, монополизировав главные пункты внешнего обмена: Гудави, Очемчиры, Келассури.

Он перенес свою резиденцию из Лыхны в Сухумскую крепость и сильно поднял значение «ашнакма» и «кераз», стремясь иметь в своих руках постоянную вооруженную опору в борьбе с крупными феодалами.

Келеш-бей вел упорную борьбу с крупными тавадами и аамыста, стремясь полностью подчинить их своей власти. Известно, что он жестоко расправился с Эшерскими владельцами Дзяпш-Ипа, разбил атарского феодала Бекир-бея Чачба, успешно подавлял сопротивление цабальских Маршания.

Кроме того, Келеш-бей принудил к выгодному для себя миру мингрельского владетеля князя Григория Дадиани, закрепив за собой Самурзакань и захватив крепость Анаклию за Ингуром.

Во время этой борьбы с мингрельскими Дадианами Келеш-бей почувствовал у ворот Абхазии новую политическую силу — русский царизм.

Владетель Мингрелии Григорий Дадиани, чувствуя свое бессилие перед Келеш-беем, обратился в 1803 году за помощью к русскому военному командованию в Тифлисе. Русские генералы взяли на себя посредничество и начали переговоры с Келеш-беем в Анаклии. Во время этих переговоров произошел следующий случай. Случайным выстрелом был убит один из солдат русского отряда, находящегося близ Анаклии. Начальник русского отряда в ответ на это немедленно занял крепость. Переговоры были прерваны. Но русские власти не решались использовать этот случай для наступления на Абхазию, сознавая непрочность своего положения в Грузии, а также боясь вызвать дипломатические осложнения с Турцией.

Но в это время сам Келеш-бей пошел навстречу русскому царизму.

Желая укрепить завоеванный им среди абхазских феодалов авторитет, он начал мечтать и об освобождении от протектората Турции. Келеш-бей без сомнения недооценивал захватнические стремления царской России, думая, что она лишь борется против Турции, но не имеет тенденции к захвату Абхазии. Эта недооценка об'ясняется тем, что действительно в эти годы русский царизм был весьма еще слаб в Закавказье и действовал весьма осторожно и не решительно.

После инцидента с Техор-пашой Трапезундским, который заключался в том, что Келеш-бей приютил у себя этого пашу, поднявшего мятеж против Стамбула, вызвав этим неудовольствие турецкого правительства, «Рубикон был перейден». Келеш-бей начинает секретные переговоры с царским генералом Цициановым (через поручика Амираджабова), надеясь опереться на Россию в борьбе с Турцией. Русское командование возвращает Абхазии крепость Анаклию (в 1806 году).

Однако, переговоры затягиваются, благодаря нерешительности русских политиков, но в этот момент наступает неожиданная развязка. В 1808 году Келеш-бей был убит своим сыном Асланом.

Это политическое убийство, несомненно, было организовано не без участия Турции и мингрельских владетелей, опасавшихся осуществления абсолютистских замыслов Келеш-бея.

К этому времени, русское военное командование более или менее закрепилось не только в восточной Грузии, но и в Мингрелии, имея опорный пункт на побережьи в Редут-кале (близ Поти), где находился сильный русский гарнизон. После смерти Келеш-бея, в Абхазии началась феодальная реакция. Крупные феодалы, приняв участие в

борьбе за власть сыновей Келеш-бея: Сефер-бея и Аслан-бея, быстро восстановили свои права, ущемленные Келеш-беем. После двух лет неудачной борьбы за власть, Сефер-бей Чачба через своего родственника Григория Дадиани начал переговоры с русскими властями. В результате этого, 9 июня 1810 года, вскоре после занятия Поти, русский десант занял Сухум-кале, выбив оттуда после упорного боя турецкий гарнизон.

Сефер-бей тогда же обратился к русскому главнокомандующему в Грузии графу Тормасову, с просьбой передать русскому царю заявление о желании его перейти под «покровительство» России.

Так русский царизм перешагнул рубеж Абхазии, после ряда сомнений и колебаний. Этот шаг был продолжением наступления русского царизма через Грузию на побережье Черного моря, с целью борьбы с Турцией за проливы—торговые пути для помещичьего хлебного экспорта.

II. Блок русского царизма с абхазскими феодалами

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РУССКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

В первые десятилетия XIX века русский царизм рассматривал Закавказье, как плацдарм для борьбы с Турцией.

В Закавказье господствовало военное управление, политическая линия которого внутри страны целиком обуславливалась положением на боевых фронтах. Русский царизм стремился вначале только закрепить за собой важнейшие военно-стратегические пункты, почти не вмешивался в систему установившихся еще до него общественно-экономических отношений.

Заняв в 1810 году сухумскую крепость, русское военное командование не решалось двигаться далее вглубь Абхазии, не обращая внимания на просьбы Сефер-бея Чачба о поддержке его против абхазских феодалов. Пассивность эта в значительной мере об'яснялась и общей политической ситуацией (положением) царской России—война с наполеоновской Францией отвлекала правительство от восточной политики.

В Абхазии в это время продолжалась беспрерывная и жестокая борьба между феодалами, которые окончательно свели к нулю значение владетеля Сефер-бея, находившегося большей частью или в Сухуме под защитой русских штыков, или в Мингрелии у Дадиани.

Последний был его союзником в борьбе с Аслан-беем и другими феодалами, при чем сумел в виде вознаграждения за поддержку владетелю захватить Самурзакань.

Видя безуспешность и безнадежность своей политики в Абхазии, царское правительство к 1820 году решило совсем увести русские войска из Абхазии.

И если Сухум-кале не был оставлен, то только благодаря резким возражениям главнокомандующего в Грузии генерала Ермолова, грозившего отставкой в случае оставления Сухума—«нашего единственного опорного пункта на восточном берегу Черного моря».

Дальновидный политик и не плохой стратег Ермолов, будучи жестоким палачом для кавказских народов ,был одновременно преданнейшим слугой русского царизма. Он понимал огромное военнополитическое значение Абхазии для «завоевания Кавказа» в целом.

В этот первый период до 1830—40 годов «непосредственной целью русской колониальной политики было то же, что было целью для португальцев и голландцев XVII века—«прямой грабеж»... (М. Покровский).

Закавказье, в том числе и Абхазия, было в этот период ареной первоначального капиталистического накопления.

Страна целые десятилетия была на военном положении. Русские войска кормились за счет местных жителей—главным образом, трудового крестьянства, и без того эксплоатируемого своими собственными феодалами.

Возможность бесконтрольного хозяйствования, легкой наживы, полный произвол в управлении, быстрое продвижение в чинах, возможность безотчетно обворовывать государственную казну привлекали на Кавказ всякого рода авантюристов, манили все отбросы загнивающего дворянского общества царской России. Попавшие в опалу генералы и офицеры, проворовавшиеся интенданты, предприимчивые артельщики и подрядчики, разорившиеся дворяне и т. п.—все эти «рыцари первоначального накопления» действительно мало чем отличались от испанских и португальских конквистадоров.

В системе военно-административного управления господствовали взятки, подлоги, подкупы, интриги «Лихие» налеты, бандитские нападения, открытый грабеж, насилия, обман, надувательство—таковы были методы «административного воздействия» русского управления на местное население. Эти «красочные» приемы тесно увязывались с методами разжигания национальной вражды и стравливания различных народностей многонационального Кавказа. Эти установки давало генералам и администраторам само царское правительство. Еще Екатерина II писала на Кавказ генералу Медему: «Разномыслие

между горцами облегчит наше предприятие. На это дело и денег не жалеть»

(Дело шло о натравливании друг на друга ингушей и чеченцев, но это были «цветочки» по сравнению с «ягодками», которые произросли в XIX веке в Грузии и Азербайджане: грузино-армянская и армяно-татарская резня и т. д. В Абхазии: искусственное воспламенение вражды между абхазами и черкесами и т. д.).

Подвергавшиеся чудовищной эксплоатации грузинские, тюркские, абхазские крестьяне намеренно провоцировались на восстания и мятежи. Последние подавлялись со зверской жестокостью. Истреблялись тысячи людей, включая детей и женщин, сжигались целые селения, сотни гектаров цветущих полей и садов обращались в пустыню...

Исторические документы—донесения и доклады царских генералов об этих карательных экспедициях пестреют выражениями:

«уничтожено два аула»...
«мятежники истреблены»...
«сжег и не оставил камня на камне от сего разбойничего гнезда»...

Незабываемым ужасом, запахом дыма и крови веет от этих документов.

Вот, например, что писал в 1803 г. русский генерал (потомок грузинских феодалов) князь Цицианов крестьянам Закатальского района, не выплатившим возложенной на них контрибуции:

«Не обманете меня другой раз. Истреблю Вас с лица земли и не увидите Вы своих селений. Пойду с пламенем... и спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь навсегда в вашей земле. Знайте, что писав сие письмо к Вам, неблагодарным, кровь моя кипит как вода в котле, члены все дрожат от ярости. Не генерала я к Вам пошлю, а сам пойду. Землю покрою кровью Вашей и она покраснеет. Но вы, яко зайцы, уйдете в ущелье и там вас достану, и буде не от меча, то от стужи пооколеете».

Так огнем и мечом все эти Ермоловы, Цицианов, Воронцовы с шайкой разбойников, авантюристов, героев подлости, насилия и грабежа—расчищали в Закавказье пути для будущего шествия российского капитала.

Эти их действия, конечно, идеализировались патриотическими великодержавными писателями и поэтами под флагом «покорения и замирения Кавказа», насаждения «культурности и порядка», «благоустройства доселе дикого края».

Даже лучшие люди тогдашней царской России, как Пушкин, не раз бичевавший гнет самодержавия оправдывал подлую колониальную политику царизма, проявив здесь подлинную классовую сущность русского дворянина-великодержавника.

Вот как опоэтизировал он «рыцарей первоначального накопления»

в заключительных строфах «Кавказский пленник», позорящих все творчество великого поэта:

«И воспою тот славный час, когда почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Поднялся наш орел двухглавый.
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов
Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа.
Куда не мчался ты грозой
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
... Но все Восток под'емлет вой.
Поникни снежною главой,
Смирись Кавказ — идет Ермолов.
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно».

Неудивительно, что если, по словам Пушкина, целые племена уничтожались русскими генералами, то результатом этих процессов первоначального накопления мы наблюдаем общее падение (деградацию) народного хозяйства в областях, завоеванных русским царизмом. Лучше всего это можно видеть на примере Сухума.

В 1840 году царский генерал Раевский, которого нельзя заподозрить в сгущении красок, писал о Сухуме:

«Во время владения турок. 3.000 семей составляли население города окружавшего крепость. В нем находились плодородные сады и многочисленные базары. Сухум был богатый, здоровый, веселый, торговый город, на лучшей бухте Закавказского края. Ручей Чандар, разделенный по канавам, одетым камнями, везде давал свежую воду для орошения садов и других потребностей жителей...

Вот настоящее его положение: народонаселение разбежалось, сады вырублены, строения до единого развалились, крепостные стены треснули и грозят падением... Канавы, по которым стекала вода, развалились и заросли кустарником. Гнилая вода, в которой тлеют развалины домов, не имеет ската и остается до тех пор, пока не испарится от сильной жары. Для довершения всего, не далее, как в прошлом году, я нашел, что крепостной ров, едва ли чищенный со времени занятия нами Сухума, наполнился всеми нечистотами крепости, которые бросались туда через амбразуры и, наконец, находясь в беспрестанном брожении, наполняли воздух гнилыми испарениями»... (Акт, V).

Если такую картину представлял военно-административный центр—Сухум, то можно себе представить положение остальной страны, служащей ареной беспрерывных феодальных войн и карательных экспедиций. Население покидало самые производительные райо-

ны Абхазии. посевы сокращались, скот уменьшался. Участились неурожаи и массовые голодовки. Внешняя торговля упала.

Так агенты русского торгового капитала подготовляли в Абхазии почву для нового капиталистического способа производства.

СОЦИАЛЬНАЯ ОПОРА РУССКОГО ЦАРИЗМА В АБХАЗИИ.

Классовая сущность колониальной политики русского царизма настолько очевидна, что вряд ли нуждается в особых доказательствах.

Царизм был системой принуждения и господства крепостников-помещиков. Царь—был «первый помещик» в самодержавном Российском государстве. Политика самодержавия полностью соответствовала классовым интересам крепостников-помещиков.

Ярче всего эта классовая сущность царизма проявлялась во внешней «завоевательной» политике. Не даром Ленин метко окрестил русский царизм термином **«военно-феодального империализма»**.

Ленин ставил знак равенства между «царизмом» и «военно-феодальным империализмом» (см. ст. «О двух линиях революции», соч. т. XIII, стр. 214) именно для того, чтобы подчеркнуть классовую феодально-крепостническую сущность всей политики русского самодержавия.

Даже впоследствии, когда «военно-феодальный империализм» перерастал уже в подлинный буржуазный империализм (который мы понимаем как особую общественно-экономическую формацию, как «новейший этап капитализма») Ленин указал, что

«в России новейше-капиталистический империализм оплетен густой сетью отношений до-капиталистических»... («Империализм», XIII, стр. 299).

«Военно-феодальный империализм» русского самодержавия характеризуется, прежде всего, и главным образом, тем, что он в своей захватнической политике стремился опереться и заключить тесный союз с феодальной верхушкой завоеванных стран.

Результатом этого являлось то, что всюду, где закреплялся русский царизм, начиналось насаждение и усиление крепостного права. Так было в Прибалтике, Украине, Башкирии, Туркестане и, конечно, в Закавказье.

Везде и всюду, русские солдаты несли на своих штыках крепостничество и феодальное закабаление.

Процессы первоначального накопления и эксплоатации растущего торгового и денежного капитала прекрасно уживались и сочетались с формами и методами крепостничества.

И прав тов Сталин, когда он говорит, что осью политической жизни Российской империи был «не национальный вопрос, а аграрный». (Сталин—«Марксизм и нац. вопрос»).

Национальная политика русского «военно-феодального империализма» была сугубо- классовой политикой самодержавно-крепостнического, помещичье-дворянского государства.

Военные успехи и политические победы русского царизма на Кавказе об'яснялись именно тем, что местные феодалы шли навстречу, помогали «военно-феодальному империализму» в его колониальной политике. Ведь как раз там, где феодальные элементы отсутствовали или были очень слабы, например: в Чечне, Дагестане, В. Сванетии, в горной Абхазии (Псху, Ахчи-Псху, Джигетии) завоевательная политика русского царизма имела больше всего неудач и препятствий. Ибо в этих областях «военно-феодальный империализм» не находил соответствующей социальной опоры.

На примере истории Абхазии, как нельзя лучше, видно как феодалы продавали национальную независимость своей страны ради классового своего благополучия, ради классовой солидарности с русским «военно-феодальным империализмом».

В 1810 году, номинальный владетель Абхазии Сефер-бей Чачба, боясь лишиться львиной доли в эксплоатации абхазского крестьянства, благодаря поражению своему в борьбе с другими феодалами, обращается через русского генерала Тормасова к царю Александру I со следующими «просительными пунктами»:

«Всеавгустейшему и всемилостивейшему монарху нашему всеподданейшее прошение и предание себя с владением моим через сие письмо следующим образом:

1. Я — законный наследник и владетель Абхазии по совести моей обязываюсь и вступаю в подданство и службу, как наследственный подданный всемилостивейшего Самодержца всея России.

2. Предаю вместе с собой Абхазию и все находящееся в ней в наследственное подданство и рабство престолу всероссийскому»...

Далее, пункт 4-й содержал просьбу о «пожаловании грамоты о праве наследования», пункт 5-й—«об ограждении войсками императора» в борьбе с непокорными вассалами, пункт 6-й выражал надежду, что Сефер-бей «не будет лишен тех выгод и милостей, кои имел владетель абхазский Келеш-бей, получавший от Порты, Оттоманской (Турции) ежегодное жалованье»; пункт 7-й обещал «покорность главнокомандующему Грузией (русскому генералу) и отпуск леса (русским купцам) с уделением, однако, некоторой части доходов владетелю».

Эти «просительные пункты», написанные Сефер-беем под диктовку русского чиновника, не требует комментарий, настолько ясно

здесь выступает физиономия феодального хищника и эксплоататора.

«Первый помещик» крепостнической России—царь Александр I понял «первого помещика» феодальной Абхазии.

9 августа 1810 года царь утвердил эти «просительные пункты» и «пожаловал» Сефер-бею грамоту о «назначении его владетелем Абхазии».

Князь Чачба (Шервашидзе) открыл двери в Абхазию русскому «военно - феодальному империализму».

Последний не забыл этой услуги, укрепляя впоследствии их авторитет и делясь с ними грабительской добычей, получаемой от эксплоатации трудящихся масс Абхазии. (Даже после того, как в 1864 году князья Чачба были лишены политической власти, они остались в Абхазии крупными помещиками, получив от русского царя титул «светлейших князей»).

Неудивительно, что национальная борьба Абхазии против русского царизма очень скоро стала классовой борьбой трудящихся масс крестьянства против владетеля и крупных феодалов, продававшихся русскому царю.

7 февраля 1821 года умер Сефер-бей Чачба (Шервашидзе), а 11 сентября того же года вспыхнуло восстание, правда организованное турецким агентом Аслан-беем, но имевшее характер национального крестьянского движения против русских захватчиков и их союзников —феодалов Чачба. Ведущую роль в этом восстании имели сельские общины племен: псху, ахчи-псху, джитетов (садзов) и убыхов.

На помощь осажденному ими сухумскому русскому гарнизону двинулся карательный отряд царского генерала Горчакова из Имеретии. После упорного боя на р. Кодор повстанцы были разбиты.

Движение замерло.

Царский генерал Горчаков привез в Абхазию нового «владетеля» —Дмитрия (Омар-бея) Чачба—сына Сефера, с малолетства воспитывавшегося в пажеском кадетском корпусе в Петербурге.

Дмитрий Чачба—должен был служить ширмой для хозяйничанья в Абхазии русских генералов. Он и в самом деле был только пешкой в политической игре, какую вело в Абхазии царское правительство.

Последнее утвердило его «владетелем Абхазии», но он был гораздо больше царским офицером, чем абхазским князем. забыв даже свой родной язык.

В Абхазии Дмитрий жил в сухумской крепости под охраной русских штыков, не пользуясь никаким авторитетом среди абхазских феодалов, ненавидимый крестьянством, как раб царских захватчиков.

Через год, 16 октября 1822 года, он умер, отравленный по преданию одним крестьянином из фамилии Лакоба.

Титул «владетеля» был передан царским правительством брату Дмитрия—Михаилу (Хамуд-бею) Чачба.

Вспыхнувшее вслед за этим мощное национальное движение принудило нового «владетеля» удрать из Абхазии в Грузию под защиту царских генералов и мингрельских князей. Появившись через три года в Абхазии, Хамуд-бей (Михаил) подвергнулся в Лыхнах нападению вооруженных крестьян и спасся только при помощи царских солдат, отбивших это нападение с большими для себя потерями.

Этот факт показал царским генералам, что небходимо во что бы то ни стало укрепить авторитет владетеля, хотя бы при помощи штыков.

Михаил был увезен в Тифлис, там ему царские чиновники дали соответствующее политическое воспитание в духе «военно-феодального империализма». Михаил получил чин майора, а потом полковника, получил пожизненное денежное жалованье от царского правительства.

Царские генералы и чиновники приложили все старания, чтобы сделать его своим верным союзником и рабом-исполнителем захватнических замыслов.

В 1829 году царская Россия заключила выгодный для себя мир с Турцией, получив от последней права на овладение устьем Дуная и Кавказского побережья Черного моря.

Принудив Турцию отказаться от вмешательства в свою «кавказскую» политику, царское правительство становится более решительным в отношении Абхазии и Черкесии.

Царский генерал Паскевич в 1830 году посылает большой отряд русских войск для возведения укреплений на побережьи Абхазии в Бомборах, Пицунде и Гаграх, где были оставлены русские гарнизоны. С этим отрядом прибыл в Абхазию и Михаил, поселившийся в Лыхны под наблюдением и охраной русского гарнизона в Бомборах (4 км от Лыхны).

В апреле 1830 года царские генералы собрали в сел. Мерхеулы представителей сословий от дворян и «чистых» крестьян (анхаю) и привели их к присяге владетелю. Как бы в ответ на это, кодорские крестьяне устроили нападение на Илорский монастырь и сожгли дом, принадлежащий владетелю.

Для укрепления авторитета владетеля царский генерал Розен в 1837 г. провел карательную экспедицию в Цабал для примирения Михаила (Хамуд-бея) Чачба с тавадами Маршания.

В это же время было сломлено сопротивление эшерских феодалов Дзяпш-Ипа—давнишних врагов Чачба. В 1840 г. были построены укрепления в Драндах и Илори с целью подчинения кодорских

феодалов. Еще раньше того, царские генералы помогли Михаилу расправиться с бзыбским феодалом Нарча Инал-Ипа.

То, что царские политики действовали в Абхазии от имени Михаила (Хамуд-бея) Чачба, об'яснялось слабостью русского царизма и желанием его найти себе социальную опору внутри самой Абхазии.

Об этом говорят в своих воспоминаниях и сами царские генералы и чиновники, например генерал Филипсон (см. «Рус. архив», 1884, стр. 354).

Этот же Филипсон подчеркивает, что

«При Раевском (к 1840 г.) все изменилось... Он сделал князя Михаила действительным владетелем Абхазии... (стр. 209).

Характерно также великодержавно-презрительное отношение царского генерала к владетелю и его феодалам: Филипсон называет Михаила и абхазских князей «сволочью, которая была нужна только по политическим соображениям»... (стр. 211).

Укрепление авторитета владетеля, стремление сделать из него абсолютного монарха, хотя и вассала русского царя, вызывало сопротивление крупных тавадов и амыста. Некоторые царские чиновники считали, что здесь был допущен даже известный перегиб. Во всяком случае в 1840-х годах мы наблюдаем, что царское правительство, укрепив авторитет Михаила (Хамуд-бея) Чачба, старается привлечь и других феодалов—дворян и князей (товади-амистей). Царский ревизор—сенатор Мечников еще в 1831 году писал из Тифлиса министру юстиции:

«Помещики в Грузии составляют самую лучшую и верную помощь, какую правительство наше может иметь»...

А в 1840 году царский наместник на Кавказе граф Воронцов пишет:

«Только одно аристократическое начало может побороть то сопротивление (со стороны трудящихся масс кавказских национальностей. А. Ф.), против которого, к сожалению, кроме оружия доселе никакого оплота противопоставлено не было»...

И впоследствии, инструктируя русских генералов и чиновников, этот же Воронцов говорит в 1846 г.

«Ввиду политического положения края, надлежит не только не посягать на право высшего сословия, но и всеми мерами стараться об ограждении и укреплении оных»...

Это «ограждение и укрепление прав» феодального дворянства выражалось внешне в щедрой раздаче чинов, титулов, орденов, наград отдельным, наиболее влиятельным феодалам. Хамуд-бей Чачба полу-

чил чин генерал-лейтенанта. келассурский феодал Хассан Чачба—чин поручика, аамыста (дворянин) Кац Маан был сделан генерал-майором, его брат Хассан Маан—поручиком, Батал-бей Маршания — майором. Аамыста (дворянин) Званбая, поступивший на службу в русскую армию, быстро продвигался в чинах и в 1840 г. получил орден «св. Станислава» и «св. Анны» с бантом, а также «высочайшую благодарность» от царя Николая I.

Но если наиболее видные тавады и аамыста (князья и дворяне) покупались царским правительством за чины и награды, то все абхазские феодалы превращались в оплот русского царизма, благодаря укреплению их эксплоататорских прав над крестьянством.

Русские чиновники стремились перенести целиком в Закавказье общественные отношения крепостнической России. Они раскапывали «законы царя Вахтанга» и на основании ст. 260 этих законов 1710 г., гласившей о том, что «крестьянин, как и все, что у него есть, принадлежит господину», писали царскому правительству докладные записки такого характера:

«Грузинское крепостное право, в существе своем не различествующее с таковым правом Российского дворянства, сольется с оным, и зависимость крестьян от помещиков установится на одних и тех же главных и прочих основаниях»... (См. акты Кавк. арх. ком., VII, стр. 44).

До XIX века в феодальной Абхазии крепостное право не получило большого развития, вследствие обширности земельных пространств и слабости с.-хоз. техники, а также по причине наличия тормозивших это развитие элементов родового строя в системе абхазского феодализма. Крепостная зависимость в феодальной Абхазии распространялась лишь на одну группу крестьян («ахую»), представлявших собою прикрепленных к земле рабов («ахапала», «атпы»).

Основная же масса абхазского крестьянства—наиболее многочисленная группа («анхаю») находилась в зависимых, не свободных отношениях, но не была прикреплена к земле. Теперь, благодаря стараниям царских генералов и чиновников, усиливаются крепостнические барщинные элементы феодальной зависимости.

Если ранее крестьяне—анхаю только 1 день в году выходили на поля князя «помогать» в уборке кукурузы и т. д., то теперь эта «помощь» достигает 3—5 дней полевой работы.

Росли и натуральные повинности. Если раньше делались приношения лишь на Пасху и Рождество, и в любом количестве, то теперь эти приношения нормируются в смысле установления сроков и размеров: столько то акалат кукурузы, столько то абхалов вина и т. д.

Появились и денежные повинности, чего раньше не было. Почти совершенно исчезли свободные, ни от кого не зависимые крестьяне.

так как в случае их нежелания стать в зависимые отношения, абхазский князь-тавад обвинял их в «крамоле» и натравливал на них карательные отряды царских солдат.

Абхазский феодал становился крепостником-помещиком, одновременно являясь надежным оплотом русского царизма в его колониальной политике.

Конечно, усиление феодально-крепостнического гнета, на-ряду с поборами и грабежами царских генералов, вызывали классовое сопротивление со стороны абхазского крестьянства. Если в 20-х годах XIX века мы еще видим во главе народных мятежей дворян (аамыста) и князей (атавадов), то в 40-х годах эти «вожди» окончательно изменяют борьбе за национальную независимость Абхазии. Эта борьба становится классовой борьбой абхазского крестьянства не только против русского «военно-феодального империализма», но и против его союзников — абхазских феодалов.

Ярким примером этого является восстание 1840 года цабальских, дальских, кодорских крестьян.

Вождь этого восстания был крестьянин Измаил Джопуа. Восстание это было жестоко подавлено русскими генералами при участии тавадов Чачба и их «ашнакма», тавадов Маршанпя и др.

Побережье Абхазии, после 1840 года, было «покорено», благодаря активной поддержке местных феодалов русского царизма.

Борьба перенеслась в горные районы, где феодальные элементы были слабее, а сопротивление почти свободных крестьян упорнее. Дальцы, псхувцы, ахчипсхувцы, садзы, убыхи продолжали вести настоящую войну не только с русскими войсками, но и с феодальными «ополчениями» тавадов и аамыста. Особенно доставалось от них азыбским феодалам — Маанам. Званбая и самому лыхненскому владетелю Хамуд-бею Чачба.

Для анализа классовой борьбы в Абхазии характерен еще один интересный факт.

В первые десятилетия XIX века среди русских солдат было развито массовое дезертирство. Причиной этого была прежде всего невероятная тяжесть армейской службы.

Срок службы был 25 лет.

Все это время солдат был только «пушечным мясом», подвергаясь жестоким издевательствам со стороны офицеров и генералов. Наказания палками, розгами, шомполами, избиения, зуботычины, плевки — были обычным явлением в русской армии.

С другой стороны и обстановка службы солдата на Кавказе была во много раз тяжелее обычной.

Очевидцы пишут в своих воспоминаниях:

«Сухумская крепость казалась каменным гробом. Нельзя было встретить ни одного свежего, здорового лица...

В Сухум ежегодно посылалось 16 проц. штатного числа нижних чинов (солдат. А. Ф.) на укомплектование, т. е., средняя жизнь считалась там почти в шесть лет». (Филипсон, стр. 211).

Это о Сухуме, а вот что пишет писатель Бестужев-Марлинский в 1831 году:

«Имя «Гагры» однозначуще со смертным приговором. Полтора комплекта солдат умирает ежегодно от ран и болезней».

И, наконец, самое главное, что Кавказская армия комплектовалась чаще всего солдатами, чем нибудь «проштрафившимися» перед начальством: «грубиянами», «крамольниками», «непокорными» и т. д..:

Так, например, солдаты восставших полков, принявших участие в движении декабристов в 1825—26 г., были сосланы в Кавказскую армию.

Значит, в целом политико-моральное настроение солдат Кавказской армии было «весьма неудовлетворительно» с точки зрения их начальников. Отсюда — массовое дезертирство.

Дезертиры не могли, конечно, добраться до родины — поэтому они бежали в горы к абхазам и черкесам. И так была велика их ненависть к царизму, что они не раз принимали активное участие в борьбе абхазских крестьян, бок о бок сражаясь с ними против русских карательных отрядов. В донесениях царских генералов есть такие сведения: ген. Розен пишет в 1837 году, что в Цабале было «обнаружено 150 беглых солдат»; ген. Головин пишет после экспедиции в Дал в 1842 году, что ему удалось вернуть 111 «пленных» русских солдат, но добавляет: «они, частью, вовсе забыли свой язык, отступили от христианской веры и совершенно от русских обычаев, имеют свои семейства (женились на абхазках. А. Ф.) и детей, рожденных в мухамеданстве».

Вот, оказывается, как подлинная классовая история выворачивает наизнанку сюжеты поэм Пушкина и Лермонтова о «Кавказском пленнике».

Приведенные факты о дезертирах--беглых русских солдатах вошедших в трудовую семью абхазского крестьянства и деливших с ним борьбу и гибель от наступавшего русского царизма, — говорят о многом. Они говорят о том, что интересы абхазских крестьян полностью совпадали с интересами русских крепостных, хотя и одетых в солдатские мундиры.

Они говорят о великой интернациональной солидарности трудящихся всех стран и наций в их классовой борьбе против угнетателей и эксплоататоров.

И если крепок был союз абхазских феодалов с русскими помещиками. то еще крепче оказалась интернациональная спайка трудящихся.

В 1917 году русские рабочие и крестьяне свергнули гнет своих помещиков и капиталистов.

В 1921 году русские красноармейцы помогли абхазской бедноте освободиться от гнета феодально-буржуазной эксплоатации.

В этом — великая мощь пролетарского интернационализма.

III. Классовая сущность реформы

РОСТ ТОРГОВО - КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Развитие производительных сил в царской России приводило к тому, что в недрах старого крепостнического общества зрели новые отношения — капиталистические. Характеризуя Россию до-реформенного периода, Ленин говорит:

«В крепостном обществе, по мере развития торговли. по мере развития денежного обращения возникал новый класс — класс капиталистов». («Новые статьи и письма», стр. 98).

И дальше Ленин указывает, что в крепостном обществе «был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму» (там же, стр. 143). Торговый и денежный капитал. «бывший всегда и везде первичной формой капитала» (Ленин. Соч. т. I, стр. 346), начинает оказывать значительное влияние через связанную с ним бюрократию на внешнюю и колониальную политику царизма. Тем более, что интересы торгового капитала в этом соответствовали интересам крупных помещиков — производителей экспортного хлеба.

Также, как и английские купцы XVIII века, требовавшие «государственной охраны и монополий» (см. Архив Маркса и Энгельса. т. I, стр. 239), русский торговый капитал стремился добиться от царского правительства покровительственных, протекционистских мероприятий.

И он этого добивался с успехом. Правда, сначала таможенный тариф 1822 года не был распространен на Закавказье, т. к. содержание большой армии и администрации в условиях оторванности края от центральной России (тяжелые транспортные условия) обходилось дешевле за счет ввоза товаров из-за границы.

Но уже в 1831 году Закавказье было включено в общую таможенную систему и российский торговый капитал, таким образом, мог не бояться конкуренции иностранных товаров. В 1830 году в Тифлисе образуется «Торговая акционерная компания» русских фабрикантов. За-

кавказье начинает превращаться в рынок сбыта для русской промышленности.

Но в Абхазии русский торговый капитал не сразу занял монопольное положение. Защитная таможенная политика (закон 1831 года) сводилась почти на нет оживлением морской контрабанды. Турецкие и английские купцы, снабжавшие товарами абхазское и черкесское побережье до 1831 года, не хотели примириться с потерей этого немаловажного рынка.

В Трапезунде в 1830 году образуется английская торговая компания. Потеряв в результате русского таможенного закона 1831 года транзитный путь через Грузию и весь кавказский рынок, эта компания принуждена была направить свою торговлю по другому пути: через турецкую Армению (Эрзерум) в Персию, но одновременно перешла и к контрабандной торговле.

Ежегодно в Сухум с берегов Анатолии прибывало до 70 крупных турецких судов. В Сухуме с 1832 года существовала русская таможенная застава, но пограничная охрана на побережье Абхазии была так слаба, что не могла помешать этим судам до захода в Сухум выгружать контрабандные товары в укромных местах: близ Очемчир, в устье реки Дгамыш, в устье реки Кодора и пр.

Успех контрабанды об'яснялся тем, что привозимые морем на берег Абхазии иностранные товары были дешевле тех русских товаров, которые шли тысячами верст по Волге (с Нижегородской ярмарки), а затем на вьюках («чаландары») по калмыцкой степи и Военно-Грузинской дороге в Тифлис, а оттуда через всю Грузию и Мингрелию — в Абхазию.

При этом русские купцы требовали в уплату за товары деньги, а турецкие обменивались на меха, кожи, лес, мед, фрукты и т. п., что было выгоднее для абхазских крестьян и даже феодалов.

Тем не менее, русская торговля, охраняемая таможенными пошлинами и пограничной стражей, постепенно росла и в Абхазии.

На-ряду с ввозом русских товаров усиливался и вывоз абхазского сырья. Вот, например, данные о росте вывоза самшита из Абхазии:

в 1849	году	вывезено	16.480	пудов
в 1850	„	„	52.788	„
в 1851	„	„	64.825	„

О росте русской торговли на побережье Абхазии очень заботились царские генералы и чиновники.

Еще в 1836 году Государственный Совет в присутствии царя Николая I занимался вопросами «закавказской торговли».

Вот что говорится в резолюции Государственного Совета от 11-го мая 1836 года:

«Наше купечество доселе еще не обратило торговых видов своих на Персию и Азиатскую Россию в том пространстве, какого требовали бы наша собственная польза, и чему так сильно содействует близость наша и удобство торговых путей...

...Ясно видно мудрое намерение наших государей — намерение наивяще раскрытое в прошедшее и настоящее царствование, когда пролагая оружием новые пути для торговли нашей на Востоке, в то же время правительство постановляло внутренние меры, дабы упрочить самобытности коммерческого нашего сословия, возбудить в нем дух предприимчивости и торгового честолюбия и утвердить независимость внешней торговли нашей от иностранцев». (Цит. по Раб. кн. обществ., ШЗ. 1930, стр. 476).

Эти общие правительственные установки в отношении развития русской торговли конкретизировались кавказскими царскими администраторами. Ген. Головин в докладной записке на имя министра Чернышева от 28 мая 1842 года пишет:

«Восточный берег Черного моря, усеянный когда то цветущими колониями греков и генуэзцев, представляется страной особенной важности в торговом отношении... Для скорейшего упрочения нашего владычества на этом берегу необходимо учредить торговые сношения между нами и Южной Россией»... (Акты, VII).

Дальше, перечисляя льготы, какие надо установить для русских купцов на побережье, Головин заключает:

«Мне остается доложить насчет избрания главного пункта этой торговли. Пункт этот должен быть Сухум-Кале..

К сожалению сейчас... для русского купечества Сухум не существует... Препятствуя турецкой торговле мы не заменили ее русской».

Ярко выраженное покровительство царского правительства русской торговле вызывало осложнения во внешней политике, особенно с Англией.

Установление таможенных границ 1831 года и закрытие Закавказья для иностранных товаров причинило большой ущерб английской торговле. Англичане исчисляли убыток от этого в 3½ миллиона фунтов стерлингов (35 миллионов рублей).

Неудивительно, что Англия поэтому начинает стремиться к обострению отношений между Турцией и Россией.

Английский посол в Стамбуле Стратфорд Коннинг оказывает большое влияние на турецкое министерство.

Секретарь английского посольства Уркарт в 1834 году отправляется в «командировку» к черкесам для подготовки восстания в случае войны с Россией.

В 1836 году английский купец Джемс Белль привез абхазам и черкесам соль, свинец, порох, кремни и пр. на судне «Виксон». В 1839 году англичанин Лонгуорт (сотрудник крупной лондонской газеты) перевез им же порох и свинец.

Все эти факты говорили о назревавшей войне. В 1853 году война началась. Вслед за Турцией русскому царизму об'явили войну Англия, Франция и Сардиния.

Начавшаяся война подняла крестьянство горной Абхазии и Черкесии. Воспрянувший духом вождь демократического Дагестана и Чечни Шамиль прислал в Абхазию своего наиба Магомета Эмина для организации всеобщего восстания. Русские гарнизоны оказались между двух огней: с моря им угрожал десант со стороны (турок и англо-французов), с гор — восставшие массы абхазов и черкесов.

В 1854 году «Черноморская береговая линия» была ликвидирована —царское правительство вынуждено было вывести свои войска из Абхазии.

Осенью 1854 года в Сухуме высадился турецкий десант.

Абхазские феодалы во главе с Михаилом (Хамуд-беем) Чачба поспешили заключить союз с новыми хозяевами побережья. Турецкий главнокомандующий Омер-паша утвердил Хамуд-бея «вассалом Порты» (Турции) и назначил его «начальником всех укреплений от Анапы до Батума».

Хамуд-бей со своими абхазскими отрядами помог войскам Омер-паши продвинуться в Мингрелию. Абхазское крестьянство везде поддерживало турецкую армию, встречая ее, как освободительницу от ненавистного великодержавного гнета русского царизма.

Однако, радость национального освобождения была недолгой: в 1855 году по окончании войны турецкие войска оставили Абхазию. Русский царизм по условиям мирного договора сохранил свои права на Черноморское побережье, и Хамуд-бею и его тавадам не оставалось ничего, как только ехать в Тифлис «извиняться» и «каяться» в своей измене царскому правительству.

Побережье Абхазии вновь было занято русскими войсками. Национально - крестьянское движение замерло. Но оно не было разгромлено окончательно. Царизм только готовился к решительному акту окончательного превращения Абхазии в колонию российского капитала.

ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ

Поражение русского царизма в Крымской войне 1853—55 г. г. и неудача в захвате внешних рынков заставили русский капитал усилить расширение внутренних рынков.

В конце 50 г. г. усиливается стремление царизма превратить Абхазию в колониальный рынок сырья и сбыта для русской промышленности.

Но для превращения Абхазии в сырьевую колонию, надо было:

1. Прочно утвердиться в стране, лишив ее окончательно политической независимости или автономии, хотя бы номинальной.

2. Разрушить натуральные формы хозяйства, переведя его на торгово - капиталистические рельсы.

Первое условие достигалось уничтожением политической власти крупных абхазских феодалов, введением русской администрации, «покорением» еще сохранившихся горных районов, экспроприацией (захватом) земель и русской колонизацией.

Второе условие осуществлялось проведением крестьянской реформы и ее последствиями.

Царские генералы после войны 1853—55 г. г. переходят к решительным мерам. Обер - квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса ген. Карлгоф в записке от 23 декабря 1856 года пишет:

«Занимая вновь Абхазию, нам должно определить, предполагаем ли мы прочно в ней утвердиться или имеется ввиду всякий раз, когда неприятель будет угрожать нам с моря, очищать край, как это было в минувшую войну»... (Акты, VII).

Карлгоф ставит вопрос ребром: «или — или». Его поддерживает другой генерал — командующий войсками Правого крыла Кавказской линии ген. Филипсон, который 13 мая 1859 года докладывает:

«Положение в Абхазии не изменилось к лучшему: так же наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен.

Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею»... (Там же).

«Занимаем, но не владеем» — это была меткая характеристика положения русского царизма в Абхазии.

И вот, чтобы «овладеть» Абхазией, царское правительство решает прежде всего устранить владетеля. Хамуд-бей — это подставная пешка сыграла свою роль. Больше он был не нужен. И даже больше того — он мешал русскому царизму своими феодальными интересами, личной своей враждой с тавадами он не раз путал карты царских политиков. К тому же, теперь был хороший повод для устранения владетеля — это его измена русскому царизму во время войны 1853—55 г.г. и тайные переговоры его с турецким правительством.

Осенью 1864 года генерал Шатилов прибыл в Очемчиры, вызвал к себе Хамуд-бея (Михаила), находившегося тогда в Ткварчелах (у серных источников) и арестовал его.

Хамуд-бей был сослан в Воронеж, где и умер в том же году. Его личное имущество (в том числе до 200 пудов серебряной и золотой посуды) было расхищено царскими офицерами и чиновниками.

Трудящиеся массы абхазского народа отнеслись к этому событию совершенно равнодушно, что доказывает их классово - враждебное отно

шение к Чачба (Шервашидзе) — ставленникам и верным слугам русского царизма.

Так закончилась позорная историческая роль князей Чачба, в течение полувека бывших надеждой и опорой русского «военно - феодального империализма» в Абхазии.

После низложения владетеля маски были сорваны, и Абхазия была превращена в «Сухумский военный отдел», где было введено так называемое «военно - народное управление», т. е. страна была отдана в полный произвол царских офицеров и военных чиновников, для отвода глаз приглашавших иногда на совещания крупных тавадов и аамыста.

Одновременно усилился процесс экспроприации земель и массового выселения абхазского крестьянства в Турцию.

Этот процесс, известный под именем «махаджирства», начался еще давно и шел непрерывно с 1820 г. по 1880 г., то замирая, то усиливаясь. Можно насчитать четыре крупных волны этого движения:

1. после восстаний 1821—23 г. г.,
2. после карательных экспедиций ген. Муравьева в 1841 году.
3. после Крымской войны в период с 1856 по 1864 г. г. и
4. после Турецкой войны 1877 года.

В чем была сущность этого процесса?

В том, что царское правительство, «очищая» Абхазию от «непокорного» населения, освобождало земли для капиталистической колонизации, необходимой для превращения Абхазии в сырьевую колонию.

Царизм и молодая торгово - промышленная буржуазия шли здесь рука об руку.

«Махаджирство» для царизма означало полное политическое «покорение» края.

«Махаджирство» для буржуазии было первой «очисткой почвы для капитализма».

(Второй «очисткой» была реформа).

Какой характер носило это движение?

Карательные экспедиции царских генералов против абхазского крестьянства сопровождались страшными жестокостями и зверствами. В 1841 году генерал Муравьев (вошедший в историю с кличкой «вешатель» за кровавое усмирение польского восстания) приказал «очистить Дальское ущелье от непокорных горцев». Несмотря на упорное сопротивление дальцев, он успел «выселить 500 семейств, а жилища их предал огню». Правда, затем он позорно отступил под натиском восставших крестьян, не осуществив полностью своей бандитской «программы». Но в 1844 году он отправляется с такими же намерениями на Псху, правда и там получив должный отпор.

В 1860—61 г. г. организуются экспедиции для «покорения» Псху и Ахчи-Псху. В 1862 году генерал Шатилов доносит царю:

«занял село Латы, где предал огню огромные запасы горцев».

В апреле 1864 года большой отряд царских войск во главе с дядей царя — «великим князем» Михаилом Николаевичем проходит в верховья реки Псоу, в районы, населенные ахчипсхувцами, садзами и убыхами.

Во время всех этих экспедиций тысячи абхазских крестьян погибали в неравном бою, целые селения разрушались, все, что нельзя было захватить с собой, сжигалось, включая сады, запасы кукурузы и пр. Оставшиеся в живых «покоренные горцы» обрекались на голодную смерть.

Неудивительно, что они представляли благоприятный материал для агитации турецких агентов — мулл, купцов и т. д., которые не жалели красок и обещаний, описывая несчастным крестьянам земной рай, ожидающий их в Турции.

И вот, тысячи крестьян вместе с семьями прощаются с разоренной и опустошенной родиной, отправляясь в «гостеприимную» Турцию. Там их, конечно, ждало горькое разочарование. Султанскому правительству выгодно было принять массу абхазцев и черкесов с целью их будущего использования, как «пушечного мяса» в войне с Россией. И десятой доли обещаний не выполнило турецкое правительство. Невольные эмигранты («махаджиры») попадали в Турции в лапы стамбульских чиновников, которые, завинчивая налоговой пресс, обрекали их на полунищенское существование.

Только за период с 1850 по 1864 г. г. из Абхазии выселилось:
из Псху — 3.600 человек,
из Ахчи-Псху — 4.000 человек,
из Джигетии (бассейн реки Псоу) — 12.000 человек.
Самые цветущие районы Абхазии — Цабал, Дал, Псху — обратились в пустыни.

Освободились огромные территории, пашни зарастали колючкой и папоротником, сады смешивались с диким лесом, виноградники дичали и вырождались.

Но зато Абхазия «успокоилась», Абхазия была почти готова для победного шествия капитализма.

Оставалось сделать еще один шаг — провести реформу.

Крестьянская реформа была проведена в России в 1861 году, в Восточной Грузии — в 1864 году, в Имеретии и Гурии — в 1867 году.

В Абхазии она запоздала благодаря упорству национально-крестьянского движения, но классовая сущность ее не изменилась.

Историческая необходимость реформы вызывалась ростом капитализма, ломавшим рамки крепостничества.

Сущность реформы, по словам Ленина, состояла

«только в замене одной формы другой, в замене феодального прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью». (Соб. соч., I, стр. 300).

Но капитализм в России был еще слишком раздроблен и слаб. Поэтому реформу осуществлял не он сам, а самодержавно - крепостническое государство, под крылышком которого он рос.

«Крестьянская реформа «была проводимой крепостниками буржуазной реформой»... (Ленин, соч. XV, стр. 142 — 143),

Царское правительство провело реформу и в России и в Абхазии так, чтобы не нанести ущерб феодалам - помещикам — своей социальной опоре.

Абхазские феодалы - тавады и аамыста, услышав о готовящейся реформе и боясь оказаться обиженными, сами стали обращаться к царским чиновникам за разъяснениями, стремясь одновременно добиться наибольших выгод.

Надо отметить, что местные военные власти сначала были не вполне «тактичны» по отношению к своим «друзьям и братьям по классу» — абхазским феодалам. Царские офицеры и чиновники, управлявшие Абхазией, задумали было «убить двух зайцев» — провести реформу и за счет закабаления крестьян, и за счет уменьшения политической мощи феодалов. Это, разумеется, было исторической нелепостью. Этим местные чиновники начали подрубливать сук, на котором они сидели в Абхазии. Этим они создали своеобразную феодальную оппозицию против реформы.

Эти оппозиционные настроения тавадов и аамыста особенно усилились после того, как командированный в Абхазию для изучения сословно - поземельных отношений генерал Понсэ заявил: «приобретение земель в Абхазии зависит не от родовитости и власти, а только от обычного закона».

Этим заявлением тавады и замыста ставились перед перспективой потери всех земель, которыми они владели через лично зависимых от них крестьян. У помещиков тогда остались бы только их личные участки, а земли крестьян отошли бы от них и при том без всякого выкупа. Феодальная оппозиция усиливалась.

Одновременно слухи о реформе дошли и в гущу абхазского крестьянства. Не разбираясь в сущности вопроса, крестьянство представляло реформу в виде новых карательных мероприятий царских чиновников, направленных против национальных обычаев и родового быта. Распространялись слухи о том, что правительство хочет вырубить все леса,

заставить всех жить в казармах «под одним одеялом», ввести воинскую повинность, обратить всех мусульман в христианство и т. п.

Сельские сходы крестьян - анхаю в нескольких крупных селениях вынесли резолюцию о посылке делегата в Тифлис к наместнику царя за раз'ясненнями. (Очевидно, своим феодалам и местным властям крестьянство не доверяло).

Этим народным делегатом был избран эшерский крестьянин Осман Шамба. Но начальник Сухумского военного отдела, полковник Коньяр, не разрешил поездку Шамба, усмотрев в этом подрыв своего авторитета.

Летом 1866 года в Лыхны собрался многотысячный крестьянский сход. Узнав о нем, туда приехал полковник Коньяр и чиновник Черепов (начальник Бзыбского округа) с 80 казаками.

На сходе присутствовали и представители феодального дворянства. Было бы, однако, большой ошибкой предполагать полное тождество интересов феодалов и крестьян. Наоборот, на сходе они ожесточенно спорили в присутствии русских чиновников.

Очевидцы рассказывают, что когда Коньяр, стараясь успокоить толпу, сказал крестьянам: «вы не будете зависеть от дворян», то аамыста Титу Маан перебил его: «Они наши рабы были и будут»... В ответ на это крестьянин Хучина Гагулия крикнул: «Врешь. Мы землей не зависели»...

Таким образом, если отдельные представители дворянства и принимали участие в этом крестьянском движении, то только благодаря политической и классовой не-бдительности царских чиновников.

Во всяком случае, интересы дворянства — феодальной оппозиции были резко противоположны целям крестьянского движения.

После речи Коньяра, выступил Черепов с угрозами и оскорблениями. Это переполнило терпение собравшихся.

И когда Коньяр приказал сходу разойтись, то в ответ на это, по сигналу, крестьяне бросились на чиновников и казаков, перебив их почти всех до одного. Коньяра и Черепова убили во дворце владетеля.

Лыхны—стало очагом восстания, через два дня охватившего всю страну. Повстанцы ворвались в Сухум, сожгли городские окраины и осадили крепость.

Пять дней Абхазия была во власти восставшего крестьянства.

Для подавления восстания понадобились большие силы, которые прибыли в Сухум под начальством кутаисского генерал-губернатора Святополк-Мирского.

В ущельях и долинах Бзыбской Абхазии еще не отзвучало эхо крестьянского мятежа, когда 23 апреля 1867 года была создана «Сухумская сословно-поземельная комиссия».

Предложения этой комиссии переданы были на рассмотрение «Ко-

митета по освобождению зависимых сословий среди горных племен Кавказа» под председательством князя Святополк-Мирского. Членами комитета были: князь Багратион-Мухранский, генерал Понсэ, князь Туманов, граф Кутайсов, князь Эмухвари, князь Маршания, дворяне—Инал-Ипа и Маан. Одно перечисление их характеризует классовое направление проводимой реформы. Представители абхазских феодалов подали петицию, в которой они старались доказать, что они ни в чем не хуже русских и грузинских помещиков.

Вот эта петиция целиком:

«В целом свете сначала были только все крестьяне или свободные люди, а помещики появились позже. Каким бы образом помещики не появились, крестьяне не могут отвергать факта существования помещиков в Абхазии с незапамятных времен со всеми теми правами, какие существуют и теперь.

Если тот факт был вначале результатом насилия, то он и в других странах был насилием, которое было признано правительством не только в Грузии, где как и в Абхазии, оно существует еще до Р. Х., но даже и в России, где крепостное право появилось гораздо позже.

Таким образом, помещичье право владения крестьянами и землею, искони веков установившееся и признанное правительством в остальных частях империи, не может быть по справедливости отвергнуто и в Абхазии». (См. «Журнал Зак. Центр. Ком. по устр. крестьян»).

Этот «крик души» абхазского дворянства нашел горячий отклик в царском генерале—крупном помещике князе Багратион-Мухранском, который, заслушав петицию, сказал: «и в самом деле, для чего для какой-то Абхазии, делать исключение?».

Классовая линия крепостников-помещиков победила.

Царские генералы поняли своих братьев по классу—абхазских помещиков. Комитет утвердил размер владений тавадов и аамыста до 250 десятин, исключая «земель, принадлежавших по обычному праву», которые, разумеется, сохранялись за ними. Кроме того, за каждый чин или орден князь и дворянин получали еще не менее 10 десятин. (А ведь почти все крупные абхазские феодалы числились на царской службе).

Кроме того, из царской казны тавады и аамыста получали 400.000 рублей в виде «единовременного пособия».

По самое главное—крестьяне, за свое «освобождение» обязанные уплатить выкуп, разного рода цепями приковывались к помещику, даже более крепко, чем в России.

Утвержденное «Положение о прекращении личной зависимости и поземельного устройства населения в сухумском отделе», изданное 8 ноября 1870 года, имело настолько ярко выраженный классовый, крепостнический характер, что нельзя без отвращения читать лицемерный манифест царского наместника к абхазскому крестьянству:

„Отныне весь строй вашей общественной жизни устанавливается на твердых и справедливых основаниях.

Милостями великого государя нашего Вам предоставляются все средства к развитию хозяйства и обеспечению навсегда материального благополучия Вашего"... (Сб. свед., VI).

Здесь все—от первого до последнего слова—пропитано подлым и лживым лицемерием, ибо на деле абхазскому крестьянину «предоставлялись все средства» к тому, чтобы или умереть с голоду, или итти в кабалу к помещику и капиталисту

IV. Абхазия — колония русского капитализма

АБХАЗСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Классовая сущность «крестьянской реформы» была одна и та же —и в Абхазии, и в России. Но в Абхазии еще ярче выступал ее крепостнический характер, ибо абхазские феодалы были даже более, чем в России—помещики, социально-политической опорой царизма, ибо если в России буржуазия была слаба, то в Абхазии она почти отсутствовала.

Во всяком случае то, что Ленин говорил о русской реформе, высказывая мысль о том, что в ней

«сильны были крепостнические черты, так много было в ней бюрократически уродливого, так безмерны были те бедствия, которые причинила она крестьянству»... (Соч. XV, стр. 97).

еще в большей степени относится и к Абхазии.

Согласно «Инструкции, учреждениям сухумского отдела по делам прекращения личной зависимости», изданной 8 февраля 1871 года, зависимые, феодальные абхазские крестьяне превращались в «свободных поселян».

Каково же оказалось положение этих «свободных поселян» на другой день после реформы?

1) Крестьяне получили земельный надел от 3 до 7 десятин на семью. (В то время, как «надел» князей и дворян был доведен до 250 десятин).

Но это были «теоретические» нормы, изложенные на бумаге. На деле нарезка наделов при отсутствии карт и планов местности затягивалась на «неопределенное время» и многие крестьяне через 30 лет, после реформы, не имели определенных наделов. Там же, где производилась нарезка наделов, царские чиновники осуществляли ее так, что крестьянская семья получала 3 десятины земельной площади, из

которых половина, а иногда и больше составляла неудобная земля: болота, колючки, скалы, крутые склоны со смытой дождями почвой и т. д.

При чем надел нарезывался в нескольких местах, дробился на мелкие участки, лежащие часто за 4—5 километров от усадьбы крестьянина.

Это создавало чересполосицу и дальноземелье, сохранившееся в абхазской деревне до советизации.

Имея в среднем 2½ га земли, пригодной для с.-хоз. использования, крестьяне вынуждены были обращаться к аренде земли у помещиков и кулаков. Эта аренда носила «кабальный» характер, так как арендная плата достигала от трети до половины урожая.

2) За «освобождение» свое от личной зависимости (феодальных повинностей) крестьяне должны были заплатить помещикам выкуп. Размеры выкупа колебались от 50 до 180 рублей для различных групп крестьян: кто нес больше повинностей — платил и больший выкуп, и наоборот.

Выкуп разрешено было заменить отбыванием всех положенных повинностей в течение 4 лет. Но этот факт не имел почти никакого значения, так как безразлично выкупил себя крестьянин или нет, по «Положению» 1870 года оставался на неопределенное время «во временно обязанных отношениях».

Фактически все натуральные повинности (особенно—приношения продуктами и т. д.) феодальной эпохи сохранились.

Официально они были отменены царским правительством в 1912 году, но на деле в большинстве случаев дожили до революции 1917 г.

Таким образом, «свободный поселянин» в Абхазии был не только отдан в экономическую кабалу помещику (малоземелье, аренда и т. п.), но и оставался лично зависим, и так же, как и до реформы, подвергался «внеэкономическому принуждению» со стороны своего бывшего владельца-феодала. Сами чиновники признавали, что «отношения временно-обязанных крестьян к землевладельцам регулировались особыми «Положениями», в которых много недомолвок, многое предоставлено добровольным соглашениям сторон, много ссылок на обычное право, к разработке и разъяснению которого не было принято никаких мер»... (См. кн. Туманова—«Земельные вопросы и преступность на Кавказе»—СПБ, 1900, стр. 12).

3) Кроме того, леса и пастбища были переданы казне и за пользование ими крестьяне должны были уплачивать определенные сборы или государству, или помещику и кулаку, которые брали эти пастбища и леса в аренду у правительства.

4) За пользование данной ему в надел землей крестьянин обя-

зан был платить, так называемую, «оброчную подать», которая по Сухумскому округу (Абхазия) в целом составляла 25.000 рублей ежегодно.

5) Крестьяне обязаны выполнять, так называемые «мирские повинности»: с них взыскивались средства на содержание попов и церквей, ремонт дорог, постройку церквей, школ и т. д.

В целом они составляли по всей Абхазии до 60.000 рублей ежегодно. Особенно тяжелой была дорожная повинность.

«Нет уголка, где бы она не вызывала ропота и смятения среди крестьянского населения. Неприятнее всего, что требования непременно пред'являются весной или осенью, т. е. во время полевых работ, когда один день иногда решает судьбу земледельца и вопрос об обеспечении его семьи»... (Свод матер. по изуч. быта гос. крестьян Зак. I, стр. 217).

6) Крестьяне, после реформы подвергались усилению налогового гнета. По всей Абхазии они ежегодно уплачивали:

а) сбор взамен отбывания воинской повинности 24.000 руб.
б) поземельный общинный налог . . . . . 25.000 руб.
в) земский поземельный сбор . . . . . 100.130 руб.,

а всего с вышеперечисленными денежными повинностями до 250.000 рублей ежегодно падало на плечи абхазского крестьянства, это, кроме отбывания «временно-обязанных» феодальных повинностей, кроме платы за пастбища, покосы, лес, кроме арендной платы, и т. д., и т. д.

7) Крестьяне подвергались насилиям и произволу помещиков и их защитников—царских чиновников, вымогавших у крестьян взятки, «подарки», и т. д. Крестьяне были обязаны содержать стражников, солдат карательных отрядов, лесных об'ездчиков, раз'езжающих чиновников и т. п.

8) Абхазские крестьяне были лишены всяких политических прав. После восстания 1877 года они были об'явлены «виновным населением», им запрещено было селиться ближе, чем за 7 километров от берега моря и т. д. Всякие жалобы крестьян на произвол помещиков и чиновников были, разумеется, обречены на неудачу. Всякий судебный иск оборачивался против крестьянина, и проч.

Вот каково было положение «свободного поселянина» в Абхазии. Оставшись прикрепленным к помещику феодальными «временными» повинностями, крестьянин попал к нему в тяжкую экономическую кабалу, одновременно неся на себе чудовищный гнет выкупных платежей, государственных налогов и сборов, и чиновничьего произвола.

Положение абхазского крестьянина после реформы значительно ухудшилось.

Зато укрепилось экономическое благосостояние абхазских помещиков — вчерашних феодалов (тавади-аамыстей).

Получив сотни десятин земли, они увеличивали свои владения при помощи царских чиновников - землеустроителей, захватывая общинные земли, якобы принадлежавшие им по «обычному праву»— леса, пастбища и проч.

Раздавая землю в аренду страдающим от малоземелья крестьянам, заключая кабальные договора с «издольщиками» и «половинщиками», они весьма увеличили свои доходы, сохранив и феодальные права «внеэкономического» порядка—личные повинности, натуральные приношения, и проч.

Благодаря развитию товарно-денежного хозяйства, абхазский помещик нередко сам или через посредство скупщиков стал заниматься лесо- и ското-торговлей, а затем и спекуляцией табаком (типичный пример этого—гудаутский помещик Лакербая).

К началу XX века распределение земли в Абхазии представлялось в следующем виде:

Абхазские князья и дворяне .	97.394 га
Прочие помещики	34.283 га
Церкви и монастыри	4.789 га
Крестьянство	71.000 га

КОЛОНИЗАЦИЯ

После проведения реформы, царское правительство особенно усилило свои тенденции по линии колонизации Абхазии. Эта колонизация должна была окончательно закрепить политическое владычество царизма и одновременно ускорять рост товарно-капиталистического сырьевого земледелия.

Процесс колонизации пошел быстрым темпом после восстания 1877 года. Услышав о начавшейся войне русского царизма с Турцией, абхазское крестьянство, уже почувствовавшее тяжесть цепей, наложенных на него реформой 1870 года, поднялось, как один.

Мощным взрывом национально-крестьянского движения царские генералы с их войсками были выброшены из Абхазии.

Второй раз царские войска ушли из Сухума. Первый раз это было в 1854 году, но тогда их вытеснила турецкая армия, а сейчас—абхазские повстанцы. Царский генерал Кравченко с крупным отрядом отступил на Цебельду, но там у Багадской скалы он получил такой удар со стороны восставших крестьян, что обратился в паническое бегство через Наа-Джгерды-Зугдиды. Несколько месяцев Абхазия была свободной от царского гнета.

Но по окончании войны, в 1878 году три отряда царских войск двинулись в Абхазию: через Марух с Северного Кавказа — генерал Бабич, из Мингрелии—генерал Алхазов, из Черкессии — полковник Шелковников. Жестоко расправлялись царские палачи с восставшими селениями. Особенно усердствовали абхазские дворяне и князья, бывшие на русской службе.

Официальные донесения указывают: «Полковник Шервашидзе (Чачба)—потомок владетеля—сжег несколько селений».

Псху, Дал и Цабал—были совершенно «очищены» от абхазских крестьян.

Высоко поднялась новая волна «махаджирства»: до 35.000 абхазских крестьян выселилось в этот год в Турцию. «Свободные» земли щедро раздавались царским правительством генералам, офицерам, чиновникам, многие из которых сумели заполучить по несколько тысяч десятин.

В одном Цебельдинском районе было роздано «новоиспеченным» помещикам до 27.000 десятин. Остальные пустующие земли предоставлялись переселенцам.

Буржуазные цели этой колонизации не вызывают сомнений. Начальник сухумского отдела генерал Гейман, приглашая колонистов, писал, что будут раздаваться участки в 10—20 десятин, но непременно «в руки людей состоятельных».

Ясно, что ставка делалась на кулака, на зажиточного колониста фермерского типа.

Но колонизация пошла несколько не так, как желали царские чиновники.

Попытки привлечь в Абхазию зажиточных огородников из Ярославской губернии и болгарских колонистов из Бессарабии не удались. В то же время, как в открытые ворота, в Абхазию хлынул поток греческих и армянских переселенцев из Турецкой Анатолии, бежавших от нужды, малоземелья и ужасов мусульманского национально-религиозного гнета.

Переселившаяся беднота расселилась на землях «махаджиров»: возникли селения—Михайловское, Ольгинское. Александровское, Анастасьевское. Георгиевское, Мцара и т. д.

Переселенцы попадали в хищные лапы всякого рода «попечителей», которые собирали с них деньги и хлеб на перевозку, постройку и «хлопоты» по начальству, безжалостно эксплоатируя их.

(Об одном таком «попечителе»—авантюристе Ашинове, обманувшем переселенцев, читай в газете «Кавказ» № 263 за 1884 год).

Кроме того, не имея инвентаря и скота, переселенцы вынуждены были итти в кабалу к кулаку и помещику.

Позже в 1890-х годах в Абхазию переселились русские (Баклановка, Петропавловка), а затем эстонцы и немцы.

Большую роль в колонизаторской политике царизма играла и церковь.

В первый период колониальной политики русского царизма церкви представляли нередко военные форпосты: за их «святой оградой» не раз отсиживались царские офицеры, осажденные восставшим крестьянством (например, в Пицунде, Лыхны, Дранды, Илори и проч.).

Царские генералы прекрасно понимали **политическое** значение христианской религии, как орудия колониального угнетения. В секретном письме министру Чернышеву от 26 марта 1851 года «наместник кавказский» князь Воронцов протестует против волокиты в деле создания архиерейской кафедры и духовной миссии в Абхазии, указывая, что:

„таковое отлагательство будет весьма неблагоприятно для желаемого нами всеми священного дела и отдалить, может быть, надолго несомненные надежды на великие успехи для нашей православной веры и для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих диких горах всегда должны получать от распространения нашей веры"... (Акты, VII).

Классовая роль религии и церкви выступает здесь с полной очевидностью.

В 1874 году был основан Ново-Афонский монастырь, позже—ряд других монастырей, каждый из которых являлся форпостом капиталистического колониального хозяйства, укрепляя в то же время и политическое влияние русского царизма.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА

Ленин говорил, что развитие капитализма в России могло пойти по двум путям:

„Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, „юнкерное" хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостничества.

Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего... Иными словами: либо — сохранение главной массы помещичьего землевладения и главных устоев старой „надстройки"... либо — разрушение помещичьего землевладения"... (Соч. III, стр. 12 — 13).

Царизм стремился направить развитие по первому «прусскому» пути. Особенно этот «прусский» путь развития капитализма прояв-

ляется в Абхазии, где реформа носила еще более крепостнический характер, чем в России.

Реформа 1870 года сохранила в Абхазии экономическую мощь помещика, понизила материальное благосостояние массы трудящихся крестьян, закабаляемого «голодной арендой», выкупами, налогами и так далее.

В отношении абхазского крестьянства всецело оправдывались слова Ленина о том, что «крестьянство наше страдало гораздо больше от **недостаточного** развития капитализма, чем от капитализма». (Соч. XV. стр. 97).

Но так или иначе реформа 1870 года расчистила, хотя и недостаточно, в Абхазии почву для нового капиталистического способа производства. Подлинное превращение Абхазии **в сырьевую колонию русского капитализма** стало возможно только после реформы 1870 года. Это превращение требовало внедрения и развития технических культур, роста товарного, рыночного хозяйства, падения натуральных форм хозяйства.

После 1870 года начинают свое развитие товарные культуры, прежде всего, табак.

В 1872 году таможенная пошлина на ввозимый из-за границы табак повышается с 25 коп. до 2 рублей за пуд. В 1877 году пошлина достигает 14 рублей, а в 1882 году — 15 рублей за пуд, ликвидируя этим всякую опасность иностранной конкуренции на внутреннем табачном рынке.

Рост табаководства в Абхазии характеризуется следующими данными:

Годы	Площадь в дес.	Сбор в пудах
1888	2.500	140000
1889	3.000	200000
1905	5.600	280000

Сначала табаководством занимались исключительно греческие и армянские переселенцы, но вскоре и абхазские помещики становятся крупными плантаторами, вовлекая в табаководство и закабаленное ими крестьянство. Рост табаководства (Сухумский и Гагринский районы), виноградарства и виноделия (Гудаутский район), свиноводства (Гальский район), шелководства, товарного садоводства и т. д., определял и развитие торговли.

В 1890 году через один Сухумский порт проходило до 25.000 тонн грузов ежегодно.

Абхазия—превращавшаяся в сырьевую колонию—втягивается русским капитализмом в обще-россиийское, а затем и в мировое **товарное обращение.**

Абхазский крестьянин становится потребителем фабрикатов русской промышленности.

«Ситцевые бомбы» (фабричные ткани, и проч.) разрушали безжалостно натуральные формы домашних и кустарных крестьянских промыслов.

То, что было сказано Лениным по этому вопросу о Закавказье. целиком относится и к Абхазии:

„В пореформенную эпоху... шло вытеснение туземных (местных) вековых кустарных промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта.

Падала обработка рогов и бокалов, вследствие упадка феодального строя, падал шапочный промысел вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (из Гудаутского района ежегодно вывозилось до 50.000 ведер вина. А. Ф.), развивая бочарное производство. Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивеллировал его местные особенности, создавал себе рынок для своих фабрик. Господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея"... (Соч. III, стр. 464).

Рост товарно-капиталистического земледелия в Абхазии сопровождался, разумеется, интенсивной классовой дифференциацией абхазской деревни. Особенно ярко это расслоение крестьянства проявилось в районах, где преобладали товарные сырьевые культуры.

Вот данные о росте табачных плантаций в Абхазии:

Размер плантаций	Количество плантаций 1906 г.	1914	Рост
От 1 — 5 га	3.655	8.895	В 2 раза
От 5 — 10 га	21	371	В 17 раз
От 10 и выше	2	22	В 11 раз

Число кулацких плантаторских хозяйств, очевидно, растет во много раз быстрее общего темпа увеличения табачных плантаций, за счет мельчающей, разоряющейся, эксплоатируемой бедноты.

Развитие капитализма в Абхазии, идущее по линии превращения ее в сырьевую колонию, протекающее в созданных реформой 1870 г. уродливых формах социальных отношений, сопровождалось обострением и обнажением классовых противоречий.

Эти противоречия сплетались в кольцо на шее абхазского крестьянства, скованного цепями крепостнических пережитков («временно-

обязанные отношения» и т. п.) и налогового гнета, эксплоатируемого и абхазскими помещиками, и торговопромышленным капиталом в лице скупщиков-агентов табачных фирм Лаферм и др., в лице винных скототорговцев, в лице спекулянтов и кулаков.

Классовое сопротивление крестьянства в Абхазии подавлялось еще более жестоко, чем в России, государственной системой «военно-народного» управления, бюрократического произвола, великодержавной национальной и религиозной политики.

Но одновременно, из года в год в недрах трудящихся масс Абхазии зрела классовая революционная ненависть и воля к освобождению. Она проявилась, вырвалась наружу в революцию 1905 года, когда абхазское крестьянство под руководством пролетариата выступило против помещичьей кабалы и самодержавия. Она победила в кровавой и упорной гражданской войне 1917—21 г.г.

Только советизация Абхазии раз и навсегда покончила с последствиями крепостнической реформы, повернув Абхазию с колониального пути капиталистического развития на путь победоносного социалистического строительства.

Использованная литература

1. Маркс, К.—„Капитал", т. I и III.
2. Маркс, К. и Энгельс, Ф.—„Собрание сочинений", т. VII и X.
3. „Архив Маркса и Энгельса", т. I.
4. Ленин.—„Собрание сочинений", т. I, III, XIII, XV.
5. Ванаг.—„Ленинская концепция двух путей", 1931.
6. Хачапуридзе.—„Гурийское восстание в 1841 году": Тифлис. 1931.
7. Драбкина.—„Национальный и колон. вопрос в царской России".
8. Сталин.—„Вопросы ленинизма".
9. Труды I конференции о-ва историков-марксистов, доклад Махарадзе.
10. Попов.—„Октябрьская революция и национальный вопрос".
11. Покровский.—„Дипломатия и войны царской России".
12. Его же.—„Русская история в сжатом очерке".
13. Акты Кавказской арх. комиссии, V, VII, X.
14. Сборник сведений о кавказских горцах, V и VI.
15. Труды сухумской сословно-поземельной комиссии. 1869.
16. „Русский архив", 1884.
17. Свод материалов по изучению быта гос. крестьян Зак. края", I и II.
18. „Обозрение российских владений за Кавказом, 1836.
19. Туманов.—„Земельные вопросы и преступность на Кавказе", 1900.
20. Аваланиани.—„Крестьянский вопрос в Закавказье", II.
21. Дьячков-Тарасов.—„Абхазия в Сухум в XIX столетии"
22. Мачавариани.—„Путеводитель по Сухуму", 1913.
23. Раб. кн. по обществоведению, 1930.
24. „История классовой борьбы в Закавказье". Сб. ЗКУ. 1930.
25. БСЭ.—„Грузия".